

КРОВАВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ОБЕРЛЕНДЕРА

**Отчёт
о пресс-конференции
для советских
и иностранных журналистов,
состоявшейся в Москве
5 апреля 1960 года**

КРОВАВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ОБЕРЛЕНДЕРА

**О т ч ё т
о пресс-конференции
для советских и иностранных журналистов,
состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА 1960**

5 апреля 1960 г. в Москве в Октябрьском зале Дома союзов состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Ниже публикуется отчет об этой пресс-конференции.

* * *

Академик **Т. Д. Лысенко**. Уважаемые товарищи, уважаемые господа!

Настоящая пресс-конференция созвана Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков для того, чтобы ознакомить вас с результатами расследования преступлений, совершенных Теодором Оберлендером в годы второй мировой войны на временно оккупированных гитлеровскими захватчиками территориях Украины и Северного Кавказа.

В президиуме конференции находятся члены Чрезвычайной государственной комиссии: Герой Советского Союза Гризодубов, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, ответственный секретарь Комиссии Богоявленский.

Чрезвычайная комиссия пригласила принять участие в конференции свидетелей злодеяний Оберлендера.

Здесь присутствуют: Гресько Михаил Николаевич, Мельник Григорий Иванович, Сулим Теодор Васильевич, Шпиталь Ярослав Иванович, Макаруха Иван Николаевич, Алескеров Керар, Шавгулидзе Шота Ираклиевич, Хаммершмидт Александр Михайлович, Пшихожев Юсуф, Окропиридзе Шалва Александрович.

Прошу товарища Богоявленского огласить сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по данно-

Октябрьский зал Дома Союзов во время пресс-конференции

му вопросу. Текст сообщения на русском, английском, французском, немецком, испанском языках будет роздан присутствующим.

СООБЩЕНИЕ

Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков

В последнее время в иностранной и советской печати были опубликованы материалы о преступлениях Теодора Оберлендера — министра правительства Федеративной Республики Германии, совершенных им в годы второй мировой войны на территории СССР, подвергавшейся временной немецко-фашистской оккупации. В Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в связи с этим поступило много писем и заявлений советских граждан, в которых сообщались

факты тяжчайших преступлений Оберлендера и высказывались требования о привлечении его к ответственности.

Учитывая требования советской общественности, Чрезвычайная комиссия через компетентные органы произвела соответствующее расследование.

В ходе расследования были допрошены многочисленные свидетели, собраны документальные доказательства, изобличающие Оберлендера в совершении им злодеяний.

Оберлендер — старый нацист, пользовавшийся полным доверием главарей нацистской партии. В 1934 г. он лично Гессом был назначен руководителем «Союза немцев Востока». Позднее являлся сотрудником военной разведки «Абвер» и, как «специалист» по Востоку, проводил шпионско-террористическую деятельность против Советского Союза и других стран Восточной Европы.

Еще задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз Оберлендер комплектовал и обучал специальные карательные отряды, предназначенные для выполнения преступных заданий на территории Советского Союза.

В письме от 5 ноября 1943 г. Оберлендер писал своему командованию: «Перед началом похода на Россию я получил задание подготовить и обучить украинское подразделение». Таким подразделением был созданный им из числа украинских буржуазных националистов особый батальон под условным названием «Нахтигаль» («Соловей»), подготовка и организация которого была начата в первые месяцы 1940 г. в городе Крыница (Польша).

Обучение и формирование этого батальона, так же как и других подобных подразделений, было завершено в специальных военных лагерях «Нойгаммер» (Германия).

Карательный батальон «Нахтигаль» одним из первых вступил в город Львов утром 30 июня 1941 г.

Как установлено расследованием, в первые же дни появления во Львове батальона «Нахтигаль» из его состава было выделено несколько особых групп, на которые возлагалась задача уничтожения советских работ-

ников, лиц еврейской и польской национальностей. Немецко-фашистские бандиты и их пособники руководствовались при этом списками намеченных для уничтожения жертв, заранее подготовленными во 2 отделе «Абвер» в Кракове, референтом которого по украинским вопросам был Оберлендер.

По показаниям свидетелей, в городе Львове в эти дни гитлеровцами совершались массовые расстрелы мирного населения — женщин, детей и стариков, сопровождавшиеся издевательствами и истязаниями.

Так, на балконе оперного театра были повешены 12 советских граждан; на Стрелецкой площади на глазах жителей города расстреляны 15 человек; на углу улиц Дзержинского и Ивана Франко убиты старик и две женщины; на улице Зыбликевича был выброшен на мостовую из окна третьего этажа грудной ребенок; в районе дрожжевого завода было вывезено на автома-

Октябрьский зал Дома Союзов во время пресс-конференции

шинах большое количество людей, которых гитлеровцы уничтожили.

Одним из кровавых злодеяний, которое учинили бандиты из «Нахтигаль» во Львове, было уничтожение большой группы известных польских ученых, в том числе профессоров Бартеля, Бой-Желенского, Ломницкого и других. В ночь с 3 на 4 июля 1941 г. эти ученые, содержащиеся под арестом в здании так называемой бурсы Абрагамовича, были выведены на близлежащую Вулецкую гору и там на ее склонах расстреляны.

Эти факты подтверждаются показаниями свидетелей Сулима, Гресько, Ломницкой, Рудницкого, Гроера и других очевидцев ареста и уничтожения польских ученых и материалами расследования, проведенного Чрезвычайной комиссией в 1944 г.

Для сокрытия своих преступлений немецко-фашистские захватчики сжигали трупы умерщвленных ими людей. Так поступили они и с останками ученых, уничтоженных во Львове.

Показаниями свидетелей установлено, что в 1943 г. из числа заключенных Яновского лагеря была создана особая бригада, которая производила на Вулецкой горе раскопки могил, а затем вывозила трупы за город и там их сжигала. Во время раскопок могил лицами, входившими в состав указанной выше бригады, были найдены в карманах одежды личные документы профессоров Бартеля, Островского и других, автоматическая ручка фирмы «Ватерман» с надписью на кольце: «доктору Витольду Новицкому».

Как установлено, батальон «Нахтигаль» и его особые команды совершили насилия и расстрелы советских граждан в населенных пунктах Золочев, Сатанов, Юзвин, Михамполь Украинской ССР.

Осенью 1941 г. Оберлендер был назначен командиром особого батальона, получившего условное наименование «Бергманн» («Горец»). Этот батальон был сформирован и обучен в тех же военных лагерях «Нойгаммер» из числа военнопленных. Перед ним ставилась задача поддержания так называемого «нового порядка», выполнения полицейских функций в тылу немецкой ар-

мии и проведения карательных мероприятий против партизан и населения.

Преступно нарушая международные конвенции и обычаи ведения войны, Оберлендер и его ближайшие помощники объезжали лагеря военнопленных и, пользуясь тем, что истощенные голодом и пытками люди потеряли способность к сопротивлению, под угрозой физического уничтожения зачисляли их в батальон «Бергманн», а затем принуждали к принятию присяги на верность Гитлеру. К присяге их приводил лично Оберлендер.

В целях устрашения личного состава батальона по инициативе Оберлендера была расстреляна группа военнопленных в составе Циклаури, Тобидзе и др., которые высказывали намерение перейти при удобном случае на сторону советских войск. В конце 1941 г. в

У стенда «Зарубежная пресса об Оберлендере»

«Шталаг-8» по приказу Оберлендера были умерщвлены семь военнопленных из числа отобранных для батальона «Бергманн». В станице Славянской по приказу Оберлендера расстреляны 30 военнопленных, находившихся в тяжелом физическом состоянии.

Пребывание батальона «Бергманн» на Северном Кавказе в период сентября 1942 г.—января 1943 г. ознаменовалось бесчинствами, грабежами и насилием над населением. Особенно зверствовал в районе города Нальчик командир одного из подразделений батальона «Бергманн», отъявленный бандит Бештоков. Руководствуясь указаниями Оберлендера, соучастники Бештокова расстреливали и грабили население, сжигали дома, а награбленное имущество отправляли в Германию. Много награбленного имущества было вывезено в Германию лично для Оберлендера.

По приказу Оберлендера из госпиталя в Кисловодске была выброшена на улицу группа тяжело раненных, а жителям — запрещено оказывать им какую-либо помощь. Позднее, при отступлении немцев, этот госпиталь по распоряжению Оберлендера был взорван.

Во второй половине октября 1942 г. Оберлендер в камере тюрьмы в Пятигорске лично расстрелял 15 арестованных советских граждан. В числе уничтоженных была учительница, которую Оберлендер истязал и зверски умертвил.

На станции Тимашевской при отступлении батальона «Бергманн» Оберлендер с группой эсэсовцев взорвал водонапорную башню с находившимися на верху ее ремонтными рабочими.

Эти и другие злодеяния Оберлендера подтверждены показаниями бывших участников батальона «Бергманн» — Алескерова, Окропиридзе, Мухашаврия и других свидетелей и очевидцев его преступлений.

В приговоре Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников указывается:

«Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным властям.

Акт о зверствах гитлеровцев в городе Нальчик

А К Т № 8

Мы, нижеподписавшиеся, Председатель исполкома Нальчикского Городского Совета депутатов трудящихся т. ГОБЕДАШВИЛИ Илья Васильевич, заведующий Нальчикским Городским врачом т. ПАПЕРНЫЙ Яков Борисович, юрист-консульт Совнархоза КВ АССР юрист т. ПАЛОВ Николай Александрович, учительница школы № 3 гор. Нальчика т. ХАНОВА Осомия Ефремовна, рабочий типографии т. ЧЕЛОВ Яков Васильевич и декан естественного факультета Кабардино-Балкарского Педагогического института - кандидат наук т. САВЧЕНКО Мефодий Ефремович составили настоящий акт 15 февраля 1943 года о нижеследующем:

После занятия города Нальчика немецко-фашистскими войсками германское командование в лице командующего армией фельдмаршала фон-Клейста проводило массовое истребление мирных жителей города. По указанию фельдмаршала фон-Клейста проходили расстрелы женщин, стариков и детей.

Все зверства, убийства и пытки над мирными гражданами города Нальчика производились отделением германского гестапо, команда ДС-10, стрелком жандармерии и военной командатурой.

Начальником команды ДС 10 был майор Имман, командиром отряда жандармерии - обер-лейтенант Шапо, командант города - Манно.

Во всех чудовищных преступлениях немецких захватчиков участвовали предатели Дейнеко Леонид Никифорович, работавший бургомистром города, Петросьян, работавший зам.нач. полиции по гестапо, Сунзев, работавший помощником начальника гестапо.

По указанию гитлеровских властей все население города должно было являться на регистрацию. На пунктах регистрации гестаповцы составляли списки лиц, подлежащих аресту, а затем и расстрелу.

В первые же дни своего пребывания в городе гестаповцы производили массовые аресты мужчин, женщин, стариков и детей. Теряла была забота арестованных. Во многих камерах вместе с мужчинами находились женщины и дети самых различных возрастов - от грудного до подростков.

Каждую ночь гитлеровцы устраивали пытки и избиения арестованных. Рассказывая из фашистского застенка житель города Нальчика ШАНОВ Таусултан Кожакович говорит:

- Обычно ночью вызывали на допрос по 10-15 человек, уже по коридору начинали бить прикладами, ногами батога и т.д. Особенно жестоко надвешали гестаповцы над 67-летним стариком сабларцем Гитче Букатовичем ХУЛАМХАНОВЫМ, который находился в нашей камере. Ему еще живыми на моих глазах вырвали уш. Пытки над Хуламышовым устраивал лично помощник начальника гестапо предатель Сунзев, который до

эмиграции жил в одном селении с Худамхановым, в период Октябрьской революции бежал за границу.

Часть людей и допросы не возвращались, их сажали в машину и увозили. Тогда мы только догадывались, что их увозят на расстрел."

Местом расстрела мирных жителей города немецкое командование избирало противотанковый ров, находящийся в 3-х километрах от города за аэродромом.

После изгнания немецко-фашистских войск из города частями Красной Армии и населением было обнаружено это страшное кладбище, где трупы не всегда закапывались. Родственники и знакомые, жители города и селений Касардино-Валкарии нашли на этом месте замученными, истерзанными и убитыми более 600 человек. В том числе были найдены трупы: врача городской больницы ТИДЕНЮ Василия Герасимовича - 28 лет, механика кондитерской фабрики СЕДОРОВА Георгия Ивановича - 40 лет, колхозника Омара БАТЫРШЕВА, зав. карьером кооператива селения Гунделен Зоя ХАММАЕВУ, заместителя наркома здравоохранения КВАСОВ-АНДРЕЕВА Петра Васильевича, председателя колхоза селения Кенне БИЛ-НИКОВА Темирлана Хакимовича, заведующего городской аптекой ЗУОМАН Михаила Борисовича - 57 лет, трех братьев колхозников ХАСАЕВИХ-Шамала Овиевича, Мусы и Далхата, двух сестер - вери Григорьевны МАРЕЙ-НО - 65 лет и Юлии Григорьевны ШЕНКМАН - 67 лет, председателя колхоза селения Билым КУМКУОВА Даут Курмановича, директора кожевенного завода АНДРУСЕНЮ Николая Петровича, рабочего типографии имени Революции 1905 года ГРАВШЕНЮ Ивана Максимовича - 57 лет, колхозника ДИНАЕВА Мату - из селения Билым, Эльбрусского района, колхозника НАММАЕВА Дадеш и МИРЗОЕВА Иохана из селения Гунделен, Эльбрусского района, и много других.

Перед расстрелом гестаповцы подвергали свои жертвы страшным пыткам - отрезали части тела, выкалывали глаза, вырывали волосы и т.д.

Пятая девушка Зурят Асхадовну ТХАШЮВУ, ей выкололи глаза, а потом расстреляли.

На теле убитой Зулдиан Байкуатовны ШЕКЕРОВОЙ - 19 лет, из селения Гунделен, Эльбрусского района (работала в промартеле) были видны следы ожогов, волосы с головы наполовину выдернуты, левый глаз выбит.

Страшно изуродованными оказались колхозники из селения Гунделен, Эльбрусского района: ЗИНЕТУ Сейлу Мусаевичу холодным оружием разбили череп и нос; МАЛКАНДУЕВУ Амину Гаппавичу снесли верхнюю часть лица; на всем теле видны следы побоев, на спине срезали кожу; дохоту Хаджиевичу ХАЗНАЕВУ пробили штыком череп, выбили челюсть и правый глаз.

В числе убитых был найден Гитче Бупатович ХУЛАНХАНОВ, в разных местах рва были найдены еще 10 человек из его семьи.

Недалеко от Хуланханова лежали 11 человек из семьи ИБРАИМОВА - 70-летняя Гогош, ее дочери Нами - 30 лет и Руспо - 20 лет, невестка Зоя - 23 лет; 6 мальчиков в возрасте от 2-х до 12-ти лет и тут же была найдена семья артиста городского театра ПОСАДОВА-ТИШКОВА, состоящая из жены Светозаровой Веры Алексеевны и их 9 летнего сына.

Во рву оказалось 28 трупов балкарцев, опознанных колхозниками, из селения Гунделен и 40 - из селения Нижний Чегем, Чегемского р-на.

Колхозники Нальчикского района нашли во рву касардинцев ШАКОВА Хабала, братьев ТХАМДЖОВЫХ - Хаджимурата и Хабаса, Мам АРИШЕВА, проживавших в селении Чегем 1-й.

Убитыми были найдены Янне АНШЕВ, Цапа ИВАНОВ, Хаджало ДОТЮЛОВ, Нану ГЕДГАФОВ - из селения Кизбурум 1-й, Бакоанского района и другие.

Вместе со взрослыми лежали и трупы детей.

Мать нашла труп сына маувица ЗРЕНДЖОВА - 13 лет.

Шесть убитых детей от 2-х до 12-ти лет ИБРАИМОВЫХ.

Был найден труп грудного ребенка простреленного несколькими пулями, лежащий на груди неизвестной женщины. Рядом женщины было шесть детей, в том числе Буба и Тан ТАТАРОВЫ из селения Кенже, Нальчикского района.

Жестокою расправу гестаповцы учинили над МАЙСУРАДЖЕ Женей, 30-ти лет и ее сыном Вилей - 10 лет; на глазах матери палачи отрезали мальчику уши, нос, затем отрубили руки и ноги и уже потом расстреляли мать, вывернув у нее предварительно руки и выколов глаза.

Схватенный на базаре 15-летний Ваня ЧЕХРАДЖЕ был также расстрелян и брошен в противотанковый ров.

В противотанковом рву было найдено более 50 человек расстрелянных военнопленных и раненых красноармейцев, возле которых находились когтилки, гипсовые повязки. Фамилии и имена расстрелянных установить не удалось.

Кровь наших отцов и братьев, жен и сестер, детей и стариков требует мщения. Мы требуем сурового возмездия садистам за все их чудовищные злодеяния.

Председатель Исполкома
Нальчикского городского Совета
Депутатов трудящихся
Зав. Нальчикским Горздравом - врач

Юридический консультант СНК КБАССР - юрист

Декан Естественного факультета
Каб. Балк. Медицинского института - кандидат наук

Рабочий типографии

Учительница школы № 3

Горедашвили И.В.)

Павловский Я.Б.)

Панов Н.А.)

Бавченко М.Е.)

Часнов Я.В.)

Хачатурянц В.С.)

В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освобожденные территории немцами».

Оберлендер являлся одним из исполнителей этих планов.

Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на основе материалов произведенного расследования и других документальных материалов, имеющих в распоряжении Комиссии, учитывая положения Устава Международного военного трибунала, учрежденного Соглашением четырех союзных держав от 8 августа 1945 года для суда над главными немецкими военными преступниками, считает установленным, что Теодор Оберлендер совершил преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

*Председатель Чрезвычайной
государственной комиссии*

Н. ШВЕРНИК

Члены Чрезвычайной комиссии **В. ГРИЗОДУБОВА**

Т. ЛЫСЕНКО

Митрополит Крутицкий и Коломенский **НИКОЛАЙ**

Ответственный секретарь **П. БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

Т. Д. Лысенко. Сейчас попросим выступить свидетелей. Их выступления будут переводиться на английский язык. Мы просим присутствующих в зале корреспондентов вопросы, которые возникнут в ходе пресс-конференции, по возможности задавать в письменном виде.

Слово предоставляется свидетелю Мельнику Григорию Ивановичу.

Г. И. Мельник. Я служил под командованием Оберлендера и знаю о его преступлениях.

С весны 1939 г. я проживал в Кракове и там же осенью 1940 г. был вовлечен в организацию украинских

буржуазных националистов. Эта организация направила меня вместе с другими украинцами в город Крыница, где мы под руководством немецких инструкторов проходили предварительную войсковую подготовку. Затем нас перевезли в Германию, в Нойгаммер, где из украинских националистов сформировали батальон «Нахтигаль».

Этот батальон состоял из четырех рот общей численностью около тысячи человек, командовали батальоном немецкий офицер Херцен и один из главарей украинских буржуазных националистов — Роман Шухевич. Командный состав батальона был из немцев, а их заместителями являлись украинские буржуазные националисты, знавшие немецкий язык. Мы были обмундированы в немецкую форму Вермахта. Отличительными знаками являлись желто-голубые полосы для погон и металлический знак «тризуб».

18 июня 1941 г. наш батальон прибыл под город Радымно на советскую границу.

Там нам стало известно, что наша часть подготовлена для выполнения карательных функций в связи с предстоящей войной с СССР.

После нападения гитлеровцев на Советский Союз наш батальон шел за передовыми немецкими частями и 29 июня прибыл в город Янов под Львовом.

В лесу под Яновом я видел все командование батальона в сборе. Там был и Оберлендер в чине оберлейтенанта; как рассказывали, он являлся представителем высшего немецкого командования и политическим руководителем нашего батальона.

30 июня 1941 г. наш батальон вступил во Львов. Проходя по улицам, по приказанию командования, мы распевали песни, в том числе и погромную песню, призывающую к уничтожению коммунистов, евреев и поляков.

В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа легионеров общей численностью около восьмидесяти человек. Среди них были Лущик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие.

Выступает свидетель
Мельник

Через 4—5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

Панькив и Лушик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определенные места, среди которых я запомнил названную ими бурсу Абрагамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреляли. Мне Лушик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских ученых, и назвали их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши.

По окончании этой акции батальон был собран в казармах по Стрыйскому шоссе. Примерно 6 или 7 июля выступил перед батальоном Оберлендер и заявил, что задание в городе Львове выполнено правильно, но по-

ставленные перед нами задачи требуют дальнейшего продвижения вперед.

После этого мы выступили из Львова по направлению к городу Золочев.

Командный состав батальона из немцев отличался большой жестокостью по отношению к советским людям. Я лично видел, как один фельдфебель из нашего батальона возле Стрыйских казарм застрелил ни в чем не повинную молодую девушку.

В городе Золочев мы находились несколько дней, охраняя военнопленных. Командованием батальона было приказано выявлять среди военнопленных коммунистов, а затем уничтожать их.

Из Золочева наш батальон прибыл в Тернополь, где по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа из 380 человек, в которой был и я. Нас направили под командой Сидора Василия, заместителя Шухевича, в город Сатанов.

В предместье Сатанова Сидор отобрал около двадцати человек и повел их в город, где они начали расстреливать мирных жителей по списку, имевшемуся у Сидора. Приказ об уничтожении жителей Сатанова, как позднее стало известно, Сидор получил вместе со списками лично от Оберлендера и Шухевича. Оставшаяся часть группы, где был и я, закрывала выходы из города. Придя в город, я видел на улицах и во дворах много убитых людей, среди которых были трупы не только взрослых, но и детей.

Пока мы находились в Сатанове, основная часть батальона вместе с командованием поместилась в Михамполе, где также были случаи расстрелов мирных жителей.

Затем весь батальон собрался в городе Юзвин, где также имели место убийства ни в чем не повинных советских людей.

Из Юзвина батальон был отправлен обратно в Германию, в Нойгаммер. Там я прекратил службу у немцев и порвал с украинскими буржуазными националистами, возвратился в Краков, где и работал по 1945 г. Вот коротко то, что я хотел сказать о преступлениях Оберлендера и «Нахтигаля».

Следователь прокуратуры

Прокуратура Львовской области

К протоколу от 10 февраля 1950 года по делу №

Нашли если вы протестуете следственные действия, в процессе которого производилось фотографирование.

Общий вид склонов Вулецкой горы. Стрелкой указано место, где гитлеровцы расстреливали людей. Пунктиром указано здание бывшей бурсы Абрагимовича.

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ
ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ЮРИСТ 1-го класса

АНТОН

Под снимком написать, что на нем изображено, заверив это подписью следователя и печатью прокуратуры. Оттиск печати должен занимать на фотоснимке незначительную часть.

Лд. 594

Склоны Вулецкой горы в г. Львове. Стрелкой указано место расстрела гитлеровцами ученых Львова. Пунктирной стрелкой указано здание бывшей бурсы Абрагамовича

Т. Д. Лысенко. Слово предоставляется свидетелю Шпиталь Ярослав Ивановичу.

Я. И. Шпиталь. До 1939 г. я проживал в селе Стрильбичи Старо-Самборского района Львовской области. Перед приходом Советской Армии, в этом же году я, поддавшись националистической пропаганде и не зная советской действительности, уехал на Запад и проживал в Польше.

В начале 1941 г. я был вовлечен в организацию украинских националистов членом этой организации Свободой, который был известен как сотрудник «Абвера». Меня направили в Краков, а оттуда в Бранденбург, где я был зачислен слушателем разведывательно-диверсионной школы, в которой обучалось около ста человек.

Через некоторое время поручик Босый, приехавший из Берлина, объявил нам, что в Нойгаммере формируется украинский батальон, который явится зародышем украинской националистической армии и вместе с гитлеровскими войсками будет освобождать Украину. Из нашей школы в этот батальон было направлено около семидесяти человек.

Я по окончании школы 10—11 июня 1941 г. вместе с Гиркой, Грыциным, Фитьо, Щирбой и Стельмашуком с диверсионной целью перешли границу в районе Славска Львовской области. Однако возложенного на нас задания мы не выполнили.

В Львов я прибыл на третий день его оккупации и на улице Подвальной встретил знакомых мне легионеров из батальона «Нахтигаль» Швеца и Шкитака, одетых в немецкую форму с отличительными знаками — сине-желтыми ленточками на погонах и знаком «тризуб» на груди.

Шкитак сказал мне, что они, легионеры, первыми вошли во Львов, и тут же указал на проходившего мимо нас офицера и сказал: «Это Шухевич, один из командиров батальона».

Шкитак очень торопился, он сообщил, что в составе группы легионеров по приказу командования батальона едет в район Великие Мосты Львовской области для ликвидации поляков и евреев.

Выступает свидетель
Шпиталь

Там же, во Львове, я встретил своего знакомого, Маевского, по кличке «Косарь» — руководителя пропаганды центра организации украинских националистов, который предложил мне идти в личную охрану Лебеда — одного из главарей украинских националистов.

Лебедь меня знал еще раньше, по Кракову, согласился с предложением Маевского и принял меня в свою охрану, но заявил, что я должен быть слепым, глухим и немым.

Мы размещались в доме по улице Драгоманова (бывшая Мохнацкого), № 22, в левом флигеле первого этажа.

В подвале этого дома находились арестованные, которых ночью выводили по одному во двор и там расстреливали.

Расстрелы производили немцы и легионеры из батальона «Нахтигаль» из малокалиберных винтовок и пистолетов, чтобы было меньше шума.

Я сам видел, как лежащих во дворе людей освещали электрическими фонарями и тех, кто еще был жив, рас-

стреливали. Потом их увозили в не известном мне направлении.

Я все это видел из окон комнаты, в которой мы размещались.

В одну из ночей привезли на автомашинах группу арестованных, их сразу отвели на второй этаж, где учинили им допрос и избивали. Ругань, крики, стон и плач были хорошо слышны в нашей комнате. Через некоторое время этих арестованных сбросили с балкона второго этажа на бетонированную площадку двора, после чего достреливали. Убитых быстро увезли.

За эти три дня там было расстреляно несколько десятков человек. Аресты и расстрелы производились по заранее подготовленным спискам.

Вот это все, что я могу сказать о злодеяниях немцев и легионеров батальона «Нахтигаль» в первые дни оккупации Львова.

Т. Д. Лысенко. Слово предоставляется свидетелю Сулиму Теодору Васильевичу — бывшему узнику Освенцима.

Т. В. Сулим. Я бывший узник Освенцима и Маутхаузена под № 155027, неизгладимо оставшимся на моем теле. В этих лагерях смерти я выпил до дна горькую чашу страданий, уготованную человечеству нацистами. Я видел, как люди тысячами гибли от непосильной работы, холода, голода, электрического тока, пуль и палок, как гитлеровские изверги на горы человеческих трупов забрасывали изможденных, но еще живых моих братьев, моливших о пощаде. В моей памяти сохранились чудовищные картины угона в газовые камеры тысяч голых детей, женщин и мужчин. Мне пришлось в течение трех лет дышать гарью человеческих тел, беспрерывно сжигавшихся в лагерных крематориях.

И поэтому, когда из сообщений прессы мне стало известно о выяснении роли Оберлендера в совершении тех страшных преступлений, которые имели место в первые дни оккупации нацистами города Львова, я счел своей священной обязанностью, своим долгом перед человечеством рассказать об этих преступлениях, поскольку сам лично являлся их очевидцем.

Выступает свидетель
Сулим

До войны я постоянно проживал во Львове. В ночь с 29 на 30 июня 1941 г. этот город был занят немецко-фашистскими войсками. Вместе с ними в город ворвались и вооруженные украинские националисты, которые были одеты в полевую форму немецкой армии и имели на погонах знак отличия в виде желто-голубой ленточки. Вскоре стало известно, что эти националисты составляют батальон «Нахтигаль», находившийся под немецким командованием.

После захвата города немецкие бандиты, гитлеровцы и их сподручные — украинские националисты из «Нахтигалья», стали жестоко расправляться с мирным населением. Начались массовые аресты, расстрелы, пытки и глумления над жителями города. В городе не было улицы, на которой не валялись бы трупы людей.

30 июня 1941 г. я видел, как солдаты «Нахтигалья» выволокли из дома № 65 по ул. Потоцкого моего сосе-

да — 23-летнего студента Трояновского и тут же в овраге за домом расстреляли его. В этот же день на улице Коперника я был свидетелем расстрела большой группы людей, которых фашисты конвоировали по направлению улицы Сталина. Истекавших кровью раненых фашистские изверги добивали прикладами и каблуками сапог.

Кровавую расправу фашистские палачи учинили над интеллигенцией Львова. В первые же дни оккупации по городу разнеслась весть о том, что гитлеровцами арестованы такие видные ученые, литераторы, юристы и медики, как Бартель, Бой-Желенский, Вайгль, Гилярович, Домасевич, Мундт, Новицкий, Островский, Пилят, Ренцкий, Серадский, Стожек и другие. Стало известно, что их содержат в застенках бursы Абрагамовича под охраной гитлеровцев и украинских националистов.

И вот мне лично пришлось быть свидетелем расстрела людей, содержащихся гитлеровцами в бурсе Абрагамовича. В то время я проживал по улице Потоцкого, дом № 63, кв. 12, на 4-м этаже. 3 июля 1942 г., под вечер, из окон моей квартиры я увидел следующую картину: группа вооруженных солдат со стороны бursы Абрагамовича вниз по Вулецкой горе вела под конвоем семь человек гражданских лиц, несших на себе лопаты. Дойдя примерно до половины Вулецкой горы, конвоиры остановились и, как было видно по их жестам, заставили этих людей копать яму. Когда они выкопали могилу, я увидел, как фашисты расстреляли их, зарыли трупы и удалились в направлении бursы Абрагамовича. В ночь с 3 на 4 июля я несколько раз слышал выстрелы и автоматные очереди, доносившиеся с Вулецкой горы.

На следующий день утром я встретил своего соседа, поляка по национальности, Пионтека Станислава и рассказал ему о происшедшем. Пионтек подтвердил, что он тоже все это видел и слышал и что прошедшей ночью гитлеровские варвары совершили чудовищное злодеяние. «На склонах Вулецкой горы,— заявил со слезами старик Пионтек,— фашистские палачи расстреляли цвет польской интеллигенции».

Гитлеровцы и их сподручные — украинские националисты из «Нахтигаля» продолжали творить свои чудо-

Следователь прокуратуры

Прокуратура Львовской области

И протоколу от 10 февраля 1950 года по делу №

Напечатать в протоколе следственного действия и в процессе изложения происшедшего фотографирование.

Место на склонах Вулецкой горы, где гитлеровцы
расстреливали людей. Фото "сика" в крупном плане.

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОКУРАТУРЫ
Львовской области
Юрист 1-го класса

Под снимком написать, что на нем изображено, заверить это подписью следователя и печатью прокуратуры. Оттиск печати должен быть на фотоснимке незначительную часть.

Зак. 5591

Вулецкая гора в г. Львове

вишные злодеяния и в последующие дни. Много невинных граждан они повесили на балконах разных зданий Львова. На балконе Оперного театра были повешены 12 человек, среди которых находился и мой друг, студент университета, Сергей Глебовицкий. Злодеяния, которые были совершены фашистами и их сподручными — украинскими националистами из «Нахтигалья» в первые дни оккупации Львова, по своей жестокости превосходили до того известные в истории человечества.

Т. Д. Лысенко. Слово предоставляется свидетелю Алескерову Керару.

К. Алескеров. Я почти два года находился в подчинении у Оберлендера и хорошо знаю о преступлениях, которые он совершал.

Как я попал в руки Оберлендера?

В 1941 г., по окончании военного училища, я был направлен на фронт под Ленинградом и в районе Голубовки был взят в плен. Мне пришлось побывать в лагерях для военнопленных в городах Нарва, Тарту, под Тильзитом. В лагерях с нами обращались очень плохо. Нас кормили раз в сутки, пища была из неочищенной гнилой картошки и отходов овощей. В лагерях свирепствовала дизентерия, тиф. Военнопленным не оказывали никакой медицинской помощи. Например, в лагере под Тильзитом ежедневно от холода, голода и болезней умирало по несколько сот человек. Трупы валялись по всему лагерю, затем их собирали, клали друг на друга, как дрова,— предварительно сняв с них одежду,— потом грузили их на повозки, куда запрягали военнопленных, вывозили к морю и выбрасывали в воду. Часто в лагерь приходили пьяные фашисты с овчарками и натравливали на военнопленных собак.

Наконец, я очутился в лагере «Шталаг-8», около Заган, в Силезии. Через некоторое время сюда прибыла группа немецких офицеров. В числе их был барон фон Кученбах, который хорошо говорил по-русски и по-азербайджански. Они отобрали из числа военнопленных азербайджанской национальности около тридцати человек, в том числе и меня, посадили на машину, отвезли в военный лагерь Нойгаммер.

Выступает свидетель
Алескеров

Как выяснилось, немцы, используя крайне бедственное положение пленных, методом угроз и насилия создавали здесь из военнопленных кавказских национальностей военный батальон под названием «Бергманн». Я с группой азербайджанцев был послан в 3-ю роту. Командиром этого батальона был капитан Оберлендер, а его заместителем — зондерфюрер барон фон Кученбах. Мне отвели должность советника и помощника командира третьей роты — немца Цааг.

В тот вечер, когда мы прибыли в этот лагерь, я видел, как с группы военнопленных грузинской национальности сняли немецкую форму, надели советскую и куда-то отправили. Позднее немецкий унтер-офицер Ганс Никкель рассказывал, что их всех расстреляли, так как люди, попадавшие в «Бергманн», по какой-либо причине не пригодные к службе, в лагерь военнопленных не возвращались — их уничтожали.

В этом лагере находились два украинца. От них я узнал, что в 1940 г. Оберлендер из числа украинских буржуазных националистов организовал диверсионный батальон под условным названием «Нахтигаль». Одного из этих украинцев звали Демчишин, а другого Возняк. В начале войны, в 1941 г., они вели какую-то карательную операцию во Львове.

Как-то Оберлендер вызвал меня к себе и сказал, что он хочет взять в «Бергманн» еще одну группу из числа военнопленных азербайджанцев, находившихся в лагере «Шталаг-8». Он собрал группу немецких офицеров и унтер-офицеров, и мы поехали для отбора военнопленных.

По приезде в лагерь мы увидели жуткую картину. Военнопленные находились в ужасных условиях. Они еле-еле могли держаться на ногах. По приказу Оберлендера их построили в одну шеренгу, и он лично стал отбирать людей. Мы записывали их фамилии. Отобрав около шестидесяти человек, привезли их в военный лагерь Нойгаммер, поместили в отдельный барак и назначили карантин.

Среди этих людей семь человек оказались больными. Их поместили в изолятор, сделали уколы, от которых они погибли.

В этом военном лагере нас обучали пехотнострелковому делу, и некий доктор Дюрр преподавал нам теорию фашистской партии.

Весной 1942 г. нас построили и сказали, что мы должны принять присягу. Тут присутствовало много офицеров и гражданских лиц немецкой национальности. К присяге приводил сам Оберлендер.

После принятия присяги нас направили в Баварию в местечко Миттенвальд. Тут переодели нас в форму горнострелковой части и стали обучать ведению войны в горных условиях. Оберлендер принимал в этом активное участие.

В апреле или мае 1942 г. Оберлендер собрал нас, офицеров, и сказал, что мы поедem в Берлин на экскурсию. Нас привезли в Берлин в расположение эсэсовского полка «Великая Германия». Затем нас стали по одному вызывать в помещение, где находились два генерала, два гражданских лица, одна женщина, группа

эсэсовских офицеров и сам Оберлендер. Мне задали несколько формальных вопросов, затем отвели в другую комнату.

После опроса к нам пришел Оберлендер в сопровождении эсэсовских офицеров и сказал, что среди нас были изменники и что они будут расстреляны. В числе изменников он назвал Циклаури, Тобидзе, Шавгулидзе, который здесь присутствует, и многих других. Позднее Оберлендер объявил, что многие из числа арестованных были расстреляны.

Из Берлина мы поехали обратно в Миттенвальд. По приезде в Миттенвальд Оберлендер собрал всех немцев на совещание, после чего начались аресты среди солдат. Много солдат было арестовано, с них сняли немецкую форму, посадили на автомашины и под строгим конвоем вывезли из лагеря.

В июне 1942 г. весь личный состав «Бергманн» был послан на Восточный фронт, и нам было приказано выдавать себя за басков (испанцев). Чтобы проверить надежность и устойчивость «Бергманн», в районе Моздока нас послали под обстрел советских войск, где мы понесли большие потери. Я был тяжело ранен.

Меня направили в госпиталь в Кисловодск. По приезде в Кисловодск я наблюдал такую картину: по распоряжению Оберлендера из госпиталя выбрасывали тяжело раненных советских военнослужащих на улицу, в госпиталь же помещали немцев. Населению было строго запрещено помогать советским раненым. Позднее я узнал, что при отступлении немцев с Кавказа одной из групп «Бергманн» этот госпиталь был взорван.

Оберлендер создал в составе «Бергманн» два кавалерийских эскадрона. Командиром первого эскадрона был бывший эмигрант князь Дадияни, а во главе второго эскадрона стоял отъявленный бандит Бештоков.

Эти эскадроны предназначались для карательных операций в оккупированных зонах Кавказа.

По службе мне очень часто приходилось ездить в те районы, где оперировали эти части «Бергманн», и я видел, как каратели Оберлендера расправлялись с людьми.

Мне, например, запомнился такой случай. В ноябре 1942 г. я ездил в город Прохладное, где Оберлендер отобрал несколько десятков военнопленных для пополнения «Бергманн». Когда я возвращался с военнопленными на машинах, то около Нальчика я встретился с группой людей из эскадрона Бештокова. Они вели человека в гражданской одежде, руки которого были связаны на спине. Я остановил машину и спросил их, куда они его ведут. Старший группы ответил, что этого человека допросил сам Оберлендер и приказал расстрелять как большевика. Не успели мы отъехать и двухсот метров, как послышался выстрел.

В оккупированных немцами городах и местечках Кавказа полицейские, комендантские и другие административные должности занимались людьми, назначенными самим Оберлендером, и они получали прямые его указания. Они очень жестоко расправлялись с людьми оккупированных территорий. Под разными предлогами они расстреливали мирное население, грабили имущество, сжигали дома. Немцы отправляли награбленное имущество в Германию. В этом отношении Оберлендер особенно отличался. Он часто направлял награбленные ценности своей семье в Германию. Мне также известно, что к Оберлендеру часто приезжали высшие чины немецкой армии за советами. В его распоряжении был личный самолет.

В Пятигорске, Георгиевске, Прохладном, а также в некоторых других местностях размещались лагеря советских военнопленных. Оберлендер имел прямое отношение к этим лагерям. Военнопленные содержались в этих лагерях в ужасных условиях, их кормили раз в сутки горсточкой подсолнуха. Люди пухли и умирали от голода. В таких условиях Оберлендер набирал людей для пополнения «Бергманн».

В конце 1942 г., когда немцы были вынуждены отступать с территории Северного Кавказа, Оберлендер распорядился угонять население и военнопленных, а тех, кто будет сопротивляться, расстреливать на месте без суда. Многие военнопленные и мирные жители были в ужасном состоянии, не могли двигаться. Их расстреливали. Все дороги по пути отступления были усеяны

труппами. Непосредственное участие в расстрелах принимали карательные отряды «Бергманн». Бештоков и другие хвастались, что во время отступления в Нальчике они взрывали и сжигали школы и больницы. Город весь горел.

Расскажу о таком страшном случае.

«Бергманн» отступал от Пятигорска к Керченскому проливу. Впереди батальона гнали несколько тысяч военнопленных. В пути следования их почти ничем не кормили. В местах остановок их держали под открытым небом, хотя было очень холодно и часто шли проливные дожди. Люди умирали. Сколько их умерло и было расстреляно, не могу сказать, — их никто не считал.

В конце января 1943 г. мы вошли в станицу Славянскую и расположились на ночлег. Военнопленных разместили в сыром овраге, находившемся за этой станицей. К этому времени их было уже около двух тысяч. Оберлендер приказал на следующий день двигаться дальше. На утро он выехал на окраину деревни и оттуда наблюдал, как из оврага военнопленных группами выводили на дорогу. В это время я подошел к нему с докладом о готовности третьей роты.

Одновременно к Оберлендеру подошел старший конвойной команды и доложил, что среди пленных около тридцати человек настолько ослабели, что не в состоянии подняться и двигаться; что с ними делать? Оберлендер крикнул: «Что вы не знаете, что делать — расстрелять!»

Я отправился к своей роте. Вдруг слышу беспорядочную стрельбу за спиной. Я вернулся, подошел к оврагу, где стоял Оберлендер, и увидел, как внизу немцы расстреливали беспомощно лежавших на земле военнопленных. Я и несколько моих товарищей возмутились, что беззащитных людей расстреливают, а Оберлендер оставался хладнокровным и лишь сквозь зубы сказал: «Нечего с ними церемониться, большевиков надо уничтожать».

С Таманского полуострова стрелковые части «Бергманн» были переброшены на самолётах в Крым, а на Таманском полуострове остались военнопленные и гражданское население, которых пригнали туда карательные

отряды «Бергманн». После прихода эскадронов в Крым стало известно, что они полностью уничтожили военнопленных и часть мирного населения.

В Крыму стрелковые части «Бергманн» были поставлены на оборону побережья, а карательные отряды вели операции против крымских партизан.

Т. Д. Лысенко. Слово предоставляется свидетелю Хаммершмидту Александру Михайловичу.

А. М. Хаммершмидт. В минувшей мировой войне я с её начала до капитуляции гитлеровской армии служил в ставке у генерал-фельдмаршала фон Клейста, Моделя и Шернера первоначально квартирмейстером, а с сентября 1942 г. до конца войны в германском «Абвере», где занимал должность начальника отдела «I-Г».

В этой должности мне и пришлось познакомиться с Оберлендером.

Выступавшие здесь много говорили о злодеяниях и зверствах Оберлендера. Мне также многое известно, но мне хотелось бы подробно остановиться только на некоторых фактах.

Осенью 1942 г. в ставке генерала фон Клейста, находившейся в то время в Пятигорске, я узнал от начальника разведотдела генерала фон Мюнстера о прибытии какой-то зондеркоманды. Эту зондеркоманду возглавлял Оберлендер.

Некоторые сотрудники «Абвера», знавшие Оберлендера, говорили, что Оберлендер имеет учёную степень доктора наук и что гитлеровцы считают его большим знатоком по расовым вопросам, а также вопросам колонизации восточных земель.

Сотрудники германского «Абвера» Локкарт, Долль и многие другие говорили, что его приезд на Кавказ может быть лишь связан с акцией уничтожения на оккупированной территории сторонников Советской власти и евреев.

Эти люди охарактеризовали его как тонкого знатока этого дела, имеющего большой опыт по уничтожению людей. Они, правда, с иронией тогда добавляли, что он не только является учёным человеком, доктором наук, но по этим вопросам — академиком. Так оно и было.

Бывшая дача Шаляпина — штаб-квартира Оберлендера
в г. Кисловодске

Осенью 1942 г. зондеркоманда Оберлендера прибыла на Северный Кавказ. Его штаб находился тогда в Кисловодске, в бывшем особняке Шаляпина.

После приезда зондеркоманды офицеры «Абвергруппы», в том числе и я, направились в Кисловодск. Эта поездка состоялась по приглашению начальника «Абвергруппы-303», который был по работе непосредственно связан с Оберлендером.

Узнав при этой встрече, что Оберлендер располагает большим количеством спиртных напитков, шоколада, кофе, сигарет и т. д., сотрудники «Абвера» частенько навещали его в Кисловодске.

В конце октября или начале ноября 1942 г. мы — Бортхерт, Локкарт и другие офицеры «Абвера» — опять находились у Оберлендера. Во время ужина крепко выпивали. Эта выпивка, в конце концов, превратилась в ночную оргию с участием женщин.

Во время оргии возник спор о духовном превосходстве, силе духа и стойкости перед лицом неизбежной смерти у западных народов и восточных народов, так называемых «унтерменшен», как тогда выражались.

Мнения у присутствующих разошлись. Локкарт и другие офицеры утверждали, что западные народы, в особенности немцы, показывают стойкость и героизм на фронте, поэтому, несомненно, они должны обладать и духовным превосходством. В подтверждение своего мнения Локкарт приводил довод, что во время гражданской войны он якобы ни разу не видел, чтобы пленные коммунисты, комиссары не обращались к богу и не стонали, а при расстреле не просили б пощады. Оберлендер же утверждал другое. Он говорил, что «советчики», подражая под этим советских людей, в частности русских, стали теперь иными, что они бесстрашно встречают смерть, не взирая ни на какие мучения.

Говоря так о советских людях, в особенности о русских, Оберлендер вкладывал в это биологический смысл. Он утверждал, что чем человек ближе к природе, чем проще, более примитивен, тем легче переносит всякие мучения и стойко встречает смерть. Из этого Оберлендер делал вывод, что именно к таким людям, т. е. к русским, не должно быть пощады. «Если мы их пожа-

леем,— говорил Оберлендер,— они свернут нам голову, а история всегда оправдывает победителей, что бы они ни совершили».

Для того, чтобы разрешить этот затянувшийся спор, Оберлендер предложил «проветриться», как он тогда выразился, т. е. выехать в Пятигорскую тюрьму, где содержались арестованные советские граждане.

Участники этого вечера на нескольких машинах поехали ночью в Пятигорск. Там в тюрьме Оберлендер угощал всех кофе и коньяком. Затем все сопровождавшие направились в одну из камер.

В этой камере, как я помню, находились мужчины и женщины. Первой жертвой для испытания оказалась задержанная советская девушка-учительница. Оберлендер потребовал, чтобы она разделась. Девушка отказалась. Тогда он приказал сопровождавшим офицерам зондеркоманды сорвать с неё всю одежду. Необходимо добавить, что он тогда при себе имел плётку. Этой плёткой он начал избивать девушку, требуя от неё, чтобы она созналась в связях с партизанами. Но девушка упорно молчала.

Не добившись таким образом результата, Оберлендер в бешенстве выхватил пистолет и выстрелил девушке в правую грудь. Это он сделал не с целью убить её сразу, а продлить её мучения. Но, кроме проклятий, никто ничего не слышал. Оберлендер ещё несколько раз выстрелил и оставил её умирающей.

Второй жертвой Оберлендера был советский гражданин, немец по национальности. Оккупанты назначили его начальником полиции, но он обвинялся в сочувствии к арестованным советским гражданам и в желании помочь им бежать. Предчувствуя свою смерть, этот немец стал просить пощады. Оберлендер в диком, зверином состоянии в упор выстрелил ему в голову и убил его.

Не выдержав более этого мерзкого зрелища и не подготовленные к подобной форме доказательства, многие из сопровождавших Оберлендера, в том числе и я, покинули камеру. Мне известно, что в этой камере лично Оберлендером были уничтожены все арестованные. Их было пятнадцать человек.

Об этом мною в письменной форме было сообщено на другой день начальнику разведотдела ставки графу фон Мюнстеру.

Позже, как мне стало известно, Оберлендер и его люди совместно с другими гитлеровцами зверски уничтожили так называемым способом «крещения» несколько сот советских граждан в Нальчике.

Заканчивая, я хочу выразить благодарность за предоставленную мне возможность выступить здесь перед столь большим количеством наших и иностранных корреспондентов. Одновременно я хотел бы обратиться к корреспондентам из Федеративной Республики Германии, если они здесь присутствуют, с просьбой донести до немцев Западной Германии всю правду об Оберлендере и его злодеяниях, позорящих весь немецкий народ.

Я убеждён, что, если немцы узнают правду об Оберлендере, они, несомненно, потребуют строгого наказания его и тем самым внесут вклад в укрепление дела мира.

Т. Д. Лысенко. Слово предоставляется свидетелю Окропиридзе Шалве Александровичу.

Ш. А. Окропиридзе. Теодора Оберлендера я впервые увидел в августе 1941 г. в Кировограде, в лагере военнопленных, где я вместе со всеми содержался в нечеловеческих условиях. Голод, побои полицаев, дизентерия, расстрелы коммунистов и комиссаров, лиц еврейской национальности — убивали меня морально и физически.

Пользуясь тем, что я был доведён в лагере до крайнего физического и нервного истощения, Оберлендер добился моего согласия составить списки военнопленных кавказских национальностей, с тем чтобы при моём участии довести до них якобы помощь Красного Креста.

Постепенно, шаг за шагом, Оберлендер втянул меня в работу по отбору советских военнопленных из кавказцев для службы в немецкой армии.

Судьба связала меня с Оберлендером на многие годы, я стал одним из его помощников, и поэтому мне немало известно о преступной деятельности этого человека.

В октябре 1941 г. Оберлендер приступил к формированию из советских военнопленных кавказских национальностей специального разведывательно-диверсионно-

Выступает свидетель Окропирдзе (слева)

го подразделения, получившего впоследствии название «Бергманн».

Приказ о создании этого подразделения он получил непосредственно от шефа «Абвера» — адмирала Канариса, для чего специально выезжал в Берлин и Бреслау. Командиром «Бергманн» Оберлендер был назначен адмиралом Канарисом.

Обо всём этом я лично был осведомлен самим Оберлендером.

Впоследствии, когда батальон «Бергманн» закончил горнострелковую подготовку в Лютензее под Миттенвальдом, в Баварии, туда прибыли Канарис, генерал фон Кестринг, Шикеданц и Эрнст Цуайнкер. Они провели смотр батальона, приняли парад. С речью перед строем выступил генерал фон Кестринг, а затем в офи-

взборе на одобренном заседании на территории колхоза им.
Димитрова Маминского совета.

Зем составлен настоящий акт.

Подпись членов комиссии: 1) Бонь
2) Калыко
3) Турра
4) Захаров
5) Переселен

Подпись председателя: 1) Турра
2) Красн
3) Кане

Подпись председателя Маминского совета с/х колхоза
председатель совета Ву36. (Ву36)
Секретарь: Кане / Кане /

Исполнительный комитет
Маминского районного Совета
депутатов трудящихся
наблюдает акт завершил
Завуча 1943г

Председ. Исполкома Мамин

Секретарь Исполкома Петровск
Внй зареширирован в книге актов
по учету ущерба и злодеяний
за 107 с/х Завуча 1943г.

Секретарь Исполкома Петровск

церском казино был дан обед и ужин, на котором мы, кавказские офицеры, лично Оберлендером были официально представлены адмиралу Канарису, генералу фон Кестрингу и Шикеданцу.

Отбор военнопленных в «Бергманн» проводился до конца ноября 1941 года.

К этому времени личный состав подразделения «Бергманн» насчитывал 1100—1200 человек, которые были вывезены в Германию, вначале в Нойгаммер, в Верхней Силезии, а потом в Лютензее (около Миттенвальда), в Баварии. Здесь они проходили пехотную и горнострелковую подготовку.

Там же весь личный состав «Бергманн» принял присягу на верность фюреру и немецкому оружию. Текст присяги зачитывал сам Оберлендер на немецком языке.

Оберлендер письменным приказом по-ротно объявил о том, что всему составу «Бергманн» запрещается разглашать факт принадлежности в прошлом к Советской Армии и выдавать вообще свою национальность. Было приказано говорить о том, что мы являемся испанцами.

В 1942 г. «Бергманн» был направлен на Кавказ, где участвовал в боях против Советской Армии, а после отступления немцев с Кавказа — сначала в Крым, а потом в Грецию.

На всем пути отступления от Моздока до Тамани Оберлендер приказывал уничтожать населенные пункты, заводы, предприятия.

Так, в Пятигорске по его приказу были взорваны спиртной завод и холодильник.

На станции Тимашевской при отступлении «Бергманн» была взорвана водонапорная башня вместе с находившимся на ней ремонтными рабочими.

При отступлении немецких войск с Кавказа строго приказывалось всех военнопленных, которых невозможно было эвакуировать, и раненых, не способных передвигаться, уничтожать. Все дороги от Моздока и Минеральных Вод до Тамани были усеяны трупами советских военнопленных.

Сам Оберлендер приказывал быть жестокими и призывал к этой жестокости. Так, в Пятигорске он выступил перед первой и пятой ротами «Бергманн» и в своём

выступлении в качестве примера привёл «подвиг» людей подразделения гауптманна Ланге, которые уничтожили госпиталь в Пятигорске с находившимися там ранеными советскими военнослужащими.

По инициативе Оберлендера были созданы и действовали два кавалерийских эскадрона, причём одним командовал белоэмигрант Дадияни, а другим Бештоков. Эти подразделения были приданы «Бергманн» и во всём подчинялись Оберлендеру.

Именно эти подразделения отличались особой жестокостью в расправе с мирными советскими гражданами, партизанами и военнопленными, отказывавшимися служить немцам. Особенную жестокость они проявили в районе Нальчика, где были уничтожены сотни невинных людей. Эти же подразделения являлись арьергардом на всём пути отступления «Бергманн» до Тамани. Ими были угнаны большие количества крупного рогатого скота и разгромлены племенные хозяйства лошадей.

Гитлеровские солдаты у трупов расстрелянных ими мирных советских граждан на Северном Кавказе

В конце ноября 1942 г. в Моздоке я получил непосредственное указание от Оберлендера совместно с Алимбарашвили Ираклием вести отборочную работу в лагерях городов Моздок, Георгиевск, Прохладное, Нальчик.

В этих лагерях Оберлендер умышленно создавал невыносимые условия содержания военнопленных, с тем чтобы облегчить отбор обезумевших от истязаний и голода людей для службы в немецкой армии.

Перед отъездом из Моздока в штабе «Бергманн» Оберлендер приказал мне в лагери военнопленных сразу не заходить, а ждать его команды. Он мне пояснил, что в этих лагерях должна быть проведена соответствующая работа для облегчения отбора.

По указанию Оберлендера там военнопленным выдавалось мизерное количество жмыха и сырой кукурузы, причём 4—5 дней подряд. Только после этого мы начинали отбор доведённых до отчаяния людей.

Первая отобранная партия военнопленных переводилась в отдельное помещение, где им на глазах голодающих выдавалось несколько улучшенное питание и курево.

После этого мне Оберлендер давал указание временно прекратить отбор. Через несколько дней, когда мы снова возобновляли отбор, военнопленным оставалось одно из двух: либо погибнуть голодной смертью, либо вступить в немецкую армию.

Оберлендер жестоко расправлялся со всеми военнопленными, которых он принудил служить в немецкой армии и которые пытались затем отказаться от этой службы.

Ещё в период военного обучения «Бергманн» в Лютензее Оберлендер жестоко расправился с группой бывших советских военнослужащих — Циклаури, Табидзе и другими, замышлявшими перейти на сторону Советской Армии.

В мае 1942 г. Оберлендер организовал для офицеров «Бергманн» экскурсию в Берлин. Как я потом понял, эта экскурсия явилась предлогом для того, чтобы вывезти нас, кавказских офицеров, из расположения «Бергманн». В Берлине была арестована группа бывших

советских военнослужащих: Циклаури, Табидзе, Джанеладзе, Шавгулидзе (находящийся здесь) и другие. Тогда же выступивший перед кавказскими офицерами Оберлендер заявил, что раскрыт заговор, что арестованные замыслили переход на сторону Советской Армии и что они будут расстреляны за измену фюреру и немецкому оружию.

Некоторое время арестованные находились в военной тюрьме в Берлине, а затем их перевели в Гармиш-Партенкирхен (это приблизительно 50—60 км от Лютензее в Баварии), где в казармах 4-й горнострелковой дивизии состоялась инсценировка суда над ними.

На заседаниях суда Оберлендер постоянно присутствовал и направлял его работу. Циклаури, Табидзе и многие другие были расстреляны.

С целью запугивания личного состава «Бергманн» Оберлендер приказал ежедневно посылать на суд представителей от каждой роты. Я также был на этом суде. После расправы с группой Циклаури личный состав «Бергманн» был подвергнут чистке: около 60 человек были вывезены в концентрационный лагерь. Судьба этих лиц мне не известна. Впоследствии Оберлендер в целях устрашения личного состава объявил нам о расстреле Циклаури и его группы.

Кстати, у Оберлендера была излюбленная поговорка, которую он произносил, когда кого-нибудь отправлял на тот свет. Эту поговорку можно было приблизительно перевести так: «Он ушёл туда, откуда начинается хвост редиски». Он даже не говорил о том, что человек умерщвлён или убит.

Мне также известно о злодеяниях Оберлендера в Западной Украине, где под его руководством совершались массовые аресты.

Это стало мне известно в середине ноября 1941 г., когда в Полтаву прибыли Демчишин и Возняк — близкие сотрудники Оберлендера по батальону «Нахтигаль», который был сформирован ещё до начала войны из украинских националистов и одним из руководителей которого являлся Оберлендер.

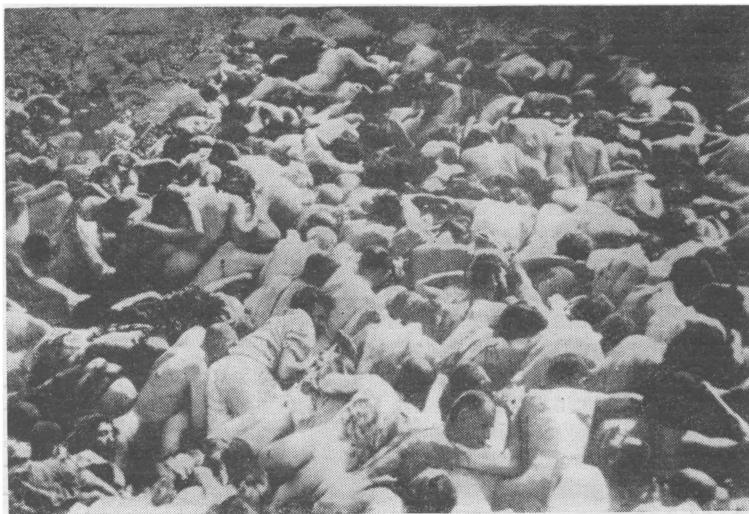
Демчишин и Возняк после расформирования «Нахтигаль» остались верны Оберлендеру. По их словам, ба-

таьон «Нахтигаль» выполнял карательные функции на Украине.

Особую жестокость «Нахтигаль» проявил во Львове, куда он вошёл в числе первых частей немецкой армии. Там было расстреляно множество людей, повешены коммунисты и работники советских учреждений.

В мае—июне 1943 г. я был свидетелем того, как Оберлендер лично для себя вывозил большое количество ценных вещей из Крыма. Это имущество (ковры, старинное оружие, дорогие картины, мебель из ценных пород дерева) вывозилось на станцию Джанкой, а отсюда — в Германию.

За преступления, совершенные против моего народа вместе с Оберлендером и под его началом, я понёс заслуженное наказание. Около двенадцати лет я честным трудом в исправительно-трудовых учреждениях искупал свою вину, а Оберлендер, втянувший меня и многих мне подобных на братоубийство, не только не наказан, а сейчас даже занимает пост министра ФРГ.

Трупы мирных советских людей, расстрелянных гитлеровцами
в г. Золочеве (Украина)

Иностранные журналисты на пресс-конференции

Т. Д. Лысенко. Товарищи и господа, мы заслушали выступления шестерых из десяти присутствующих свидетелей. Чтобы не затягивать пресс-конференцию, нам кажется целесообразным не заслушивать подробные показания остальных свидетелей, тем более что в президиум конференции поступил ряд вопросов, на которые мы просим свидетелей ответить.

Первый из вопросов следующий: кто ещё, кроме свидетеля Сулима, осведомлён о судьбе польских учёных?

В распоряжении Чрезвычайной комиссии имеются документы 1944 г. о расследовании злодеяний в городе Львове, показания профессора Гроера, оставшегося в живых, показания вдовы профессора Ломницкого. Свидетелем был также и Гресько, находящийся здесь, на пресс-конференции.

Слово для ответа предоставляется свидетелю Гресью-ко Михаилу Николаевичу.

М. Н. Гресьюко. В 1941 г., когда немцы захватили Львов, я проживал в этом городе по улице Малаховского (ныне Пожарского), в доме № 2, расположенном рядом со зданием бывшей школы, которая в 1939 г. носила название бursы Абрагамовича. Первые дни оккупации я старался из дому не выходить. От соседей, проживавших рядом, я узнал, да и сам я в этом убедился, когда вышел на улицу, что вместе с гитлеровскими войсками во Львов вступила часть украинских националистов в немецкой форме под командованием Романа Шухевича, известного украинского националиста.

Шухевича я знал ещё со времён панской Польши. Мне приходилось сталкиваться с ним по работе. Он работал в рекламном бюро или фирме «Фама». В первые дни июля 1941 г. я увидел Шухевича на улице в форме немецкого офицера.

Спустя несколько дней, может быть, на следующий день, я узнал тоже от соседей, что во Львове немцы вместе с украинскими националистами произвели аресты видных учёных, профессоров, деятелей культуры и науки, принадлежащих к польской национальности. Я узнал, что часть этих арестованных содержится в помещении бursы Абрагамовича, то есть в здании рядом с нашим домом.

Окна лестничной клетки дома, в котором я проживал, выходят во двор этой школы. Однажды я увидел, как из двери чёрного хода немцы выводили на прогулку людей, одетых в гражданское платье. Между ними была одна женщина и один хромо́й мужчина. Среди арестованных я увидел и узнал бывшего ректора торгово-экономического института, который я окончил, профессора доктора Генриха Каровича и знакомого мне профессора Львовского политехнического института Ломницкого. Фамилии остальных заключённых мне не известны.

Спустя несколько дней я узнал, что всех этих арестованных немцы совместно с украинскими националистами расстреляли тут же на этой горе, недалеко от здания школы. После этого я больше не видел, чтобы во дворе школы прогуливались заключённые.

Свидетель Гресько отвечает на вопросы

Т. Д. Лысенко. Следующий вопрос таков: кто ещё из свидетелей может рассказать о злодеяниях батальона «Нахтигаль»?

Слово для ответа предоставляется свидетелю Макаруха Ивану Николаевичу.

И. Н. Макаруха. До войны я работал заместителем председателя райисполкома в городе Судовая Вишня Львовской области. На пятый день войны я и другие районные работники в связи с приближением немцев выехали из Судовой Вишни. Я выехал с женой и детьми. Когда приехал во Львов, я остановился у своего знакомого Собчака, который работал управдомом, он дал мне квартиру по ул. Немцовича, дом 44. Мы с женой думали ехать дальше — за советскими войсками, но немцы заняли Львов, и мы были вынуждены остаться на оккупированной территории.

В первые же дни меня увидела на улице Мария Лешишина. Она меня выдала гитлеровцам. Меня задержали и отвели в тюрьму. В камере, где я сидел, находи-

лись евреи, поляки и один русский. Из моих знакомых были Зильбер и поляк Жуковский.

По ночам меня водили на допрос, сильно избивали — до бессознательного состояния. На допросах твердили, что я изменник украинского народа. На последнем допросе меня допрашивал вместе с двумя немцами украинский националист Шухевич.

Он прочитал мне справку, составленную известным в городе Судовая Вишня националистом Гнатишаком Нестером. В справке было указано, что я советский активист. Шухевич потребовал, чтобы я назвал известных мне партийных и советских работников, угрожал мне расстрелом или помещением в концентрационный лагерь.

Каждую ночь в камеру приводили новых людей, преимущественно евреев, а поздно ночью забирали по несколько человек, они больше не возвращались. Выводили их немцы и украинские националисты. Эти украинцы носили на груди значок в форме тризуба, а на погонах сине-желтые ленты.

Точно число не помню, но однажды на рассвете меня, Жуковского, Зильбера и ещё нескольких человек взяли из камеры в автомашину и привезли на улицу Лонцкого. Там посадили в машину ещё двадцать человек, затем несколько пьяных немцев и украинцев привезли нас к лесу за Львовом. Нам приказали сойти с машины и встать на колени, другим же приказали идти вперёд. Мы увидели, что рядом в яме полно трупов, и с испугу начали разбегаться во все стороны. По нас открыли стрельбу. Мы побежали вместе с соседом по машине, оба были ранены, он в голову, а я в руку, но всё же я убежал в лес.

К вечеру я пробрался в город. Здесь, в больнице, на улице Раппорта, врач-еврей перевязал мне рану, я несколько дней скрывался, а затем перебрался из Львова в Чертковский район, где скрывался под чужой фамилией до прихода Советской Армии.

До моего ареста я видел во Львове, как немцы издевались над людьми. Когда выселяли одну еврейскую семью, маленького ребёнка, который плакал на улице, гитлеровский солдат на моих глазах взял за руки и за ноги и ударил головой о стену.

Свидетель Макаруха отвечает на вопросы

Можно было бы ещё многое рассказать о злодеяниях оккупантов во Львове.

Т. Д. Лысенко. Поступил вопрос: кто ещё из свидетелей может рассказать о преступной деятельности Оберлендера на Северном Кавказе?

Слово для ответа предоставляется свидетелю Пшихожеву Юсуфу.

Ю. Пшихожев. Я был очевидцем, когда во время прочёсывания местности в районе станиц Удобная, Отрадная и Упорная были задержаны и доставлены в штаб Оберлендера двенадцать советских граждан. Все они по приказу Оберлендера были расстреляны.

Помню, как Оберлендер в октябре 1942 г. в Нальчике вызвал офицеров кавалерийских эскадронов в свой штаб и отдал приказ выехать в кабардинские и балкарские аулы с целью выявления коммунистов, советских работников, евреев, партизан и захвата их для расправы.

Свидетель Пшихожев приводит дополнительные данные о злодеяниях Оберлендера

Около аула Хасания во время облавы на советских, партийных работников и партизан было убито семнадцать человек, а три человека были захвачены и после допроса их Оберлендером расстреляны.

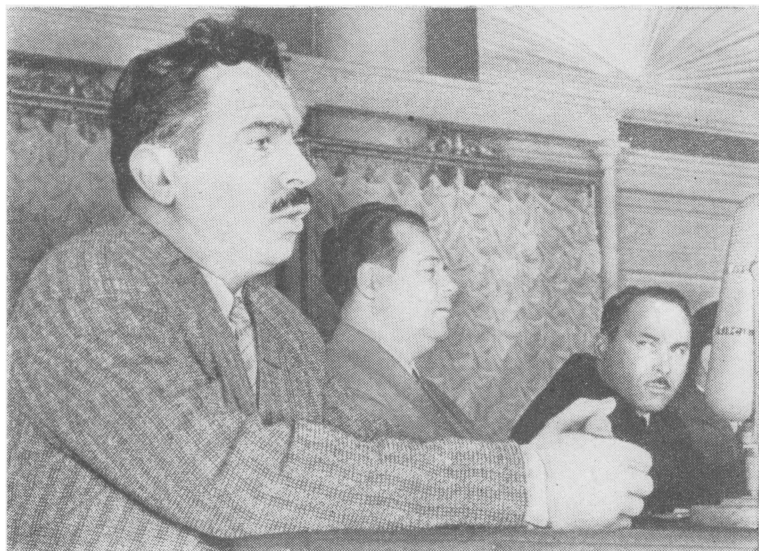
Как очевидно, мне также известно, что в декабре 1942 г. подразделение «Бергманн» под командованием Оберлендера с особой жестокостью проводило операции против партизан и советских работников в районе Баксанского фанерного завода Кабардино-Балкарской автономной республики.

Т. Д. Лысенко. Имеется просьба к свидетелю Шавгулидзе рассказать, за что его арестовали по делу Циклаури.

Слово предоставляется свидетелю Шавгулидзе Шота Ираклиевичу.

Трупы расстрелянных гитлеровцами на Северном Кавказе мирных советских людей

Свидетель Шавгулидзе рассказывает о том, как его допрашивал
и избивал Оберлендер

Ш. И. Шавгулидзе. Единственной причиной моего ареста послужило то, что я так же, как и многие другие, не хотел служить гитлеровцам.

Оберлендер за это жестоко и коварно расправился с патриотически настроенными военнопленными, которые группировались около капитана Циклаури. В 1942 г., 21 мая, обманным путём под видом экскурсии Оберлендер взял нас в Берлин. Там нас арестовали, и многие из наших товарищей — Циклаури, Табидзе и другие были расстреляны.

Оберлендер с нами обращался, как жестокий и коварный злодей. Со мной лично он обращался, как палач. В день ареста ко мне в камеру берлинской тюрьмы пришёл Оберлендер. Его сопровождали два немецких солдата. Он начал меня допрашивать. После мучительного и длительного допроса, когда я ему абсолютно ничего

не отвечал или отвечал отрицательно, неожиданно один солдат ударил меня. Я упал на пол. Когда я хотел подняться, солдаты начали меня избивать сапогами. Я потерял сознание.

Когда я пришёл в сознание, Оберлендер опять начал меня допрашивать. Поставленные вопросы в основном сводились к тому, чтобы я выдал людей, которые не хотят служить у гитлеровцев. Я категорически отказался и никакого ответа не давал. Тогда по приказу Оберлендера солдаты опять начали меня избивать. Я упал на пол, снова потерял сознание, а когда пришёл в себя, то возле меня стояли тюремщики — и больше никого.

После полуторамесячного тюремного заключения меня направили в концлагерь Баддорф, затем перевели в концлагерь Вильгельмсхафен. Под номером 1595 я находился в концлагерях до конца войны.

Т. Д. Лысенко. Корреспонденты нескольких зарубежных газет задают вопросы свидетелю Хаммершмидту — расскажите коротко биографические сведения о себе.

Прошу свидетеля Хаммершмидта ответить.

А. М. Хаммершмидт. Родился я в 1918 г. в Саратовской области, вырос на Кавказе, закончил педагогическое училище, затем институт. До войны преподавал в Усть-Лабинском педагогическом училище. В 1941—1945 годах служил, как я уже говорил, в ставке генерала фон Клейста, Моделя, Шернера.

С 1945 по 1956 г. проживал в различных городах на Западе, а в декабре 1956 г. вернулся на родину.

Т. Д. Лысенко. Один из иностранных корреспондентов спрашивает, как свидетель Хаммершмидт оказался в 1941 г. в ставке немецкого командования.

А. М. Хаммершмидт. Уважаемый господин, мне кажется, что здесь разбирается не моё дело, а материалы об Оберлендере. Не лучше ли было бы концентрировать внимание на Оберлендере. Если вам сведения обо мне нужны для сенсации, то я готов после пресс-конференции уделить вам несколько минут.

Т. Д. Лысенко. Имеется вопрос к свидетелю Окропирдзе: в своём выступлении вы сообщили, что участникам «Бергманн» было приказано выдавать себя за ис-

Свидетель Хаммершмидт беседует с участниками пресс-конференции

панцев. Чем это было вызвано? Прошу рассказать об этом.

Ш. Окропиридзе. Преступлением является уже тот факт, что советских военнопленных обманым путём и голодом заставляли служить в гитлеровской армии. По международным конвенциям запрещено использовать военнослужащих противника для борьбы с ним. Поэтому Оберлендер прибегал к тому, чтобы выдавать нас за испанцев, одевал в различные маскировочные одежды в зависимости от районов. Так, на Кавказе при приходе

туда мы были одеты в форму солдат армии Роммеля, потом в Крыму были переодеты в форму гебиргс-егерей, а в Греции снова одеты в форму африканского корпуса.

Т. Д. Лысенко. В нескольких записках спрашивают: наказаны ли были свидетели Мельник и Шпиталь?

На этот вопрос я могу дать ответ.

В силу акта об амнистии, эти люди не понесли наказания, так же как и другие буржуазные националисты, раскаявшиеся в своей деятельности и явившиеся с повинной.

Сейчас Мельник работает врачом в клинике во Львовском медицинском институте, а Шпиталь — инструктором физкультуры в городе Трускавец.

Больше вопросов нет. На этом разрешите пресс-конференцию объявить закрытой.

Участники пресс-конференции осматривают выставку документов о зверствах Оберлендера

* * *

После пресс-конференции, длившейся около четырёх часов, журналисты с большим вниманием осмотрели выставку, устроенную в фойе Октябрьского зала Дома союзов. Они видели многочисленные фотографии и материалы, свидетельствовавшие о зверствах Оберлендера во Львове и на Кавказе.

КРОВАВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ
ОБЕРЛЕНДЕРА

*Отчет о пресс-конференции
для советских и иностранных журналистов,
состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года*

A04970.

Подписано к печати 14/IV 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Бум. л. 7/8. Печ. л. 2,87. Уч.-изд. л. 2,50.

Заказ 406. Цена 60 коп. Тираж 90 000.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского
городского Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

